Дзалаева Камила Руслановна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОСЕТИН В ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКО-ОСЕТИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена проблеме трансформации традиционного осетинского общества в ходе межкультурного взаимодействия Осетии и России во второй половине XIX - начале XX в. Цель исследования - выявление причинно-следственных связей модернизационных преобразований традиционной повседневности. Особое внимание уделяется таким ее структурам как жилище и одежда, паллиативность которых стала наиболее яркой иллюстрацией существенных преобразований в традиционной культуре осетин под влиянием российской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.85-391
Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме трансформации традиционного осетинского общества в ходе межкультурного взаимодействия Осетии и России во второй половине XIX – начале XX в. Цель исследования - выявление причинно-следственных связей модернизационных преобразований традиционной повседневности. Особое внимание уделяется таким ее структурам как жилище и одежда, паллиативность которых стала наиболее яркой иллюстрацией существенных преобразований в традиционной культуре осетин под влиянием российской культуры.

Ключевые слова и фразы: традиционная повседневность; межкультурное взаимодействие; модернизация; городская культура; традиционное жилище; традиционная одежда; паллиативные культурные формы.

Камила Руслановна Дзалаева, к.и.н.
Отдел этнологии
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказский научный центр Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия – Алания
abisaltik@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОСЕТИН В ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКО-ОСЕТИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)©

Объективную оценку воздействия российской культуры на традиционное осетинское общество и значения этого процесса в исторической судьбе Осетии можно дать лишь в результате комплексного изучения качественных сдвигов в образе жизни осетин в период интенсивных модернизационных преобразований второй половины XIX – начала XX в. Модернизация как социокультурный компонент проявилась в формировании общероссийского пространства модернизирующейся культуры, повышении потенциала культурного развития, вовлечении в преобразование всего российского общества, в том числе периферии - новых территорий, приобретенных Россией в результате реализации ее политических интересов в северокавказском регионе.

Длительный процесс присоединения Северного Кавказа к России, завершение которого традиционного связывают с окончанием Кавказской войны в 1864 году, повлек за собой взаимопроникновение двух типов культур – северокавказского, определяемого нами как традиционный, устойчивый, малоизменчивый, и российского, рассматриваемого нами как прогрессивный, более подвижный и открытый. Межкультурное взаимодействие населяющих эти территории народов породило новую симбиотичную форму, ставшую неким сплавом таких своеобразных, подчас противоположных культур. В Осетии, весь общественный уклад которой ранее строился на традиционных нормах и мировоззрении, данные преобразования начались раньше, чем в других регионах Терской области, и затронули абсолютно все сферы жизнедеятельности, что обеспечило ей довольно скорую и успешную интеграцию в социально-культурное пространство России. Это стало возможным благодаря возникновению в 1874 году Владикавказа, выступившего в качестве определенного проводника российской культуры, прежде всего, ее городских стандартов.

Любой город развивается и функционирует в тесном взаимодействии с пригородной зоной и более отдаленной окружающей его территорией, играет роль центра того или иного прилегающего ареала. Связь города и окружения обуславливается выходом города из своих границ для удовлетворения разнообразных потребностей у сравнительно небольших поселений и заметно увеличивается с ростом численности населения города. Характер городской культуры формирует определенные сознание и тип поведения, существенно отличающиеся от их аналогов в «догородском» обществе. Действительным выражением городской культуры является специфичный для города образ жизни. Наиболее ярко это отражается на такой его составляющей, как повседневность, которая характеризует не только материально-предметный мир, но и разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры: соционормативные, эстетические, ритуально-культовые, многообразные связи и взаимоотношения людей [5, с. 98].

Стремительное развитие Владикавказа, темп и многообразие которого во многом были обусловлены общероссийскими модернизационными процессами, способствовало его функциональному выделению из числа других поселенческих структур Осетии, распространению образцов формирующейся в нем городской культуры на все остальное осетинское общество.

Изменения условий и требований жизненной среды, появление качественно новых возможностей, приобщение к новому типу культуры, включенность в сложные городские отношения, неизбежно вели к трансформации традиционных ценностных установок осетин, их материальных и духовных потребностей, способствовали появлению новых атрибутов повседневной жизни. Преобразования наблюдались не только в сфере хозяйственной деятельности, но и на материально-бытовом уровне – стали возникать паллиативные

© Дзалаева К. Р., 2012

формы культуры. Традиционные национальные структуры повседневности в городе постепенно уходили в прошлое - реальные условия пространственной среды Владикавказа требовали их корректировки. Соотношение традиционных и российских (европейских) форм бытовой культуры определяло динамику таких структур повседневности осетин, как жилище, одежда и пища.

Городские здания должны были строиться только «по Высочайше утвержденному плану», а желающих получить статус горожанина городские власти обязывали иметь дома «правильной архитектуры» [10, д. 403, л. 2]. Владикавказской городской Думой издавались специальные постановления по строительной части, где напоминалось, что, на основании 114-й статьи Городового Положения 1870 года, утверждение планов и фасадов частных зданий, выдача разрешений на перестройку и наблюдение за правильным исполнением построек принадлежала Городской Управе, которая руководствовалась правилами Строительного Устава. Так, в 1862 году в городе было оставлено лишь 50 семей владикавказских осетин, обязавшихся нести все повинности, иметь дома соответствующей архитектуры, вести хозяйство на отведенной земле по реке Камбилеевке и одновременно отбывать сельские повинности наравне со всеми жителями Осетинского аула.

В начале XX века во Владикавказе наблюдался «строительный бум», который был связан с ростом благосостояния владикавказцев и наплывом отставных военных высокого ранга. Быстрое развитие фабрично-заводской промышленности привело к интенсивному строительству, применению новых строительных материалов. В 1869 году в местной прессе отмечалось: «…где прежде были часто лубком и соломой крытые лачуги или оставались совершенно не застроенные участки, теперь красуются весьма ценные и видные здания» [8, с. 303]. Новостройки отличало высокое архитектурное качество и своеобразный стиль, придававший всему городу новый облик, приблизив его еще более к другим российским и европейским городам. Кирпичные и каменные дома стали многокомнатными, появились лестничные клетки, веранды, коридоры. Планировку домов более состоятельной части горожан часто составляли кабинеты, столовые и детские комнаты, «покои», хозяйственно-гигиенические помещения.

Внутреннее обустройство жилых помещений также подверглось модернизации. Если поначалу осетины еще придерживались привычных традиционных форм внутреннего уклада, и этническая специфика прослеживалась в интерьере городских домов, то позже, в процессе адаптации и приобщения к нормам городской культуры, внутреннее убранство домов городских осетин претерпело значительные изменения. Первоначально в осетинских домах сохранялось функциональное назначение отдельных помещений – «хадзара» (как места для приема гостей и внутрисемейного общения), «уата» (как комнаты для размещения брачных пар), различных хозяйственных построек. Во внутреннем убранстве городского дома сохранялись традиционные элементы мебели – длинные скамьи со спинками, постельные принадлежности домашнего производства, традиционная кухонная утварь. Позднее многое в осетинском городском жилище существенно изменилось. Старое, державшееся веками, традиционное расположение одинаковых предметов обстановки жилого помещения осетинского дома под влиянием городской культуры довольно скоро ушло в прошлое, прежняя традиционная мебель стала меняться на более современную, располагавшуюся в доме в совершенно произвольном порядке [1, с. 185]. Часто одна из комнат, в которой принимали гостей, становилась парадной, ее обставляли лучшей мебелью, сочетая при этом элементы традиционного и городского убранства. Наряду с традиционными нарами здесь появлялись диваны, деревянные и железные кровати фабричного производства, в жилых комнатах часто можно было видеть стол со скатертью, кровать, венские стулья (нередко с соломенными сиденьями), диван, полированный шкаф и т.п. [7, д. 123, л. 76]. Значительно видоизменилась и посуда.

Трансформация традиционности, обусловленная процессами межкультурного взаимодействия Осетии и России, коснулась и внешнего облика осетин. Для мужской одежды стало характерным сочетание европейской одежды с традиционной: брюки заправлялись в сапоги, плащи; шляпы с полями или военные фуражки сочетались с традиционной осетинской рубашкой «хадон». Престижным элементом одежды стали галстуки, жилеты. Мужчин из высшего общества выделяла и такая деталь, как часы на цепочке, прикрепленной к одежде [4, с. 88]. В женскую одежду, основу которой традиционно представляло платье «къаба», состоявшее из нагрудника, нижней юбки и надеваемого поверх них халата с треугольным вырезом на груди и распахивающимся к низу подолом, начали внедряться такие новомодные детали, как цельные верхние юбки, манжеты, присборенные рукава и велюровые воротники. Традиционные серебряные или железные нагрудные украшения заменялись имитацией в виде защипов на ткани: этот модный элемент стал применяться на рукавах и юбке традиционного костюма, шили который теперь из современных дорогих набивных тканей, а вместо традиционного орнамента использовались образцы вышивки из журналов мод. Это сделало похожим осетинское платье на европейское. В то же время, европейское платье осетинки носили как с традиционными платками, так и с яркими шелковыми косынками. Молодые женщины популяризировали ношение традиционного костюма без головного убора с перчатками, веером и зонтом. В одежде городских осетинок стала прослеживаться тенденция, вызванная появлением эмансипированных женщин из мещан и интеллигенции, работающих и учащихся, отвергавших многослойную одежду, пышные платья, корсеты, традиционные головные уборы. Эти женщины выбирали простые в крое и практичные вещи. Женщины, работающие на предприятиях Владикавказа, носили «парочки», юбки на бретельках, блузы с басками, платья свободного покроя из ситца, сатина, бумазеи. Нарядная одежда горожанок включала меховые воротники и муфты, которые носили не только зимой. Их надевали на атласные или шелковые платья и блузы с рюшами и оборками [Там же, с. 89].

Трансформация повседневности наблюдалась и в такой консервативной структуре повседневности осетин, как пища. Здесь имела место определенная экономическая выгода: низкие цены на многие продукты

питания делали их более доступными и тем самым вытесняли из рациона осетин ряд традиционных продуктов, делая их производство невыгодным.

Набирая темпы развития, Владикавказ, в условиях которого взаимодействие осетинской и российской культур носило крайне интенсивный характер, приобретал экономические и культурные характеристики регионального центра, а качество и образ жизни владикавказцев довольно скоро превратились в некий образец, на который стало равняться все остальное население Осетии, что повлекло трансформацию традиционного уклада жизни сельчан. Прежде всего изменения затронули такие структуры повседневности, как жилище и одежда.

Переселяясь на равнину из высокогорных сел, осетины стали образовывать новые типы равнинных поселений, большинство из которых отразили на себе планировку поселений их русских соседей. Упорядочение планировки началось в массовом порядке в 70–х гг. XIX в. Согласно Строительному Уставу проводились параллельные и перпендикулярные улицы, широкие дороги, нарезались усадебные места для дворов, хозяйственных построек и др. [3, с. 40]. Такие осетинские села, как Кадгарон, Гизель, Алагир, Ардон, Христиановское, Магометановское и др., по существу, ничем не отличались от соседних казачьих станиц.

В начале 70–х гг. XIX века в равнинных осетинских селениях начали появляться дома, построенные на европейский лад, покрытые черепицей и небольшие, аккуратно содержавшиеся садики перед этими домами. В конце XIX – начале XX в. под влиянием русских, поселившихся по соседству, у осетин появился еще один тип нового жилища – «квадратный», располагавшийся фасадом на улицу [2, с. 20]. Однако некоторые особенности планировки жилых помещений в осетинском традиционном доме очень ярко отразились и в этом новом доме. Теперь он стал возводиться на высоком фундаменте, что делало их более долговечными, способствовало улучшению гигиены жилища.

Важным нововведением в быту осетин было появление голландской печки, не получившей широкого распространения в горах отчасти из-за дороговизны, отчасти из-за осетинской традиции использования открытого очага. Привязанность к очагу приводила к тому, что в некоторых домах в одном или двух жилых помещениях ставили «голландку», а в «хадзарах» по-прежнему оставляли традиционный центральный очаг. Однако со временем, несмотря на то, что с очагом у осетин было связано много поверий и обычаев, он был вытеснен из повседневности более удобной русской печью, что существенно изменило быт: «…с появлением русской печки очаг был заброшен и забыт, в ней стала готовиться вся пища, а приготовление на очаге совершалось только в особо торжественных случаях. Это привело к постепенному забвению всего патриархального торжественного культа, связанного с традиционным очагом» [9, с. 55].

В конце XIX - начале XX в. элементы российской (европейской) городской культуры все активнее проникали в самые отдаленные горные селения Осетии, способствуя приближению обстановки сельских домов к городской. Широкое применение в осетинском традиционном доме стали получать не только такие новомодные предметы, как вазы для сладостей и фруктов, сахарницы, пепельницы, но также и письменные принадлежности, гармошки, граммофоны, чайники, подносы, рукомойники, скатерти, оцинкованные ведра, эмалированные кастрюли и чугуны, самовары. Внутренний вид жилища осетин коренным образом изменила городская мебель, постепенно вытеснявшая прежнюю традиционную горскую меблировку.

По свидетельству современников, столкнувшись с образцами материальной культуры европейской цивилизации в процессе взаимодействия с Россией, осетины «быстро стали воспринимать в ней все хорошее, и теперь не редкость уже встретить в селах равнинной Осетии дома на чисто европейскую ногу: с роскошным убранством внутри, с крашеными полами, диваном, зеркалом, стульями, столами, самоварами и другими принадлежностями цивилизованной жизни» [6, с. 74].

Одежда осетин-жителей сельской местности также подверглась модернизации. Все чаще они отказывались от ношения в повседневном быту традиционного костюма. Более того, отсутствие городского костюма постепенно стало восприниматься в осетинском социуме как признак бедности [7, д. 123, л. 100].

Таким образом, интеграция Осетии в общекультурное пространство России во второй половине XIX – начале XX в., превратившая процесс социально-культурной адаптации в жизненную необходимость, привела к формированию паллиативных культурных форм, обусловленных процессами межкультурного взаимодействия, что неизбежно повлекло за собой трансформацию традиционной повседневности осетин.

Список литературы

1. **Гарданов М. К.** Селение Христиановское в фактах жизни // Известия Осетинского института краеведения. Владикавказ, 1925. Вып. I. С. 179-228.
2. **Калоев Б. А.** Осетины. М.: Наука, 1971. 471 с.
3. **Кануков И. Д.** В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. 475 с.
4. **Канукова З. В.** Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ: Иристон, 2002. 288 с.
5. **Канукова З. В.** «Терские ведомости» как источник изучения городской повседневности // Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения: материалы региональной конференции: сб. научных трудов. Владикавказ, 2006. С. 98-105.
6. **Кокиев С. В.** Записки о быте осетин: сб. материалов по этнографии. М., 1885. Вып. 1.
7. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева**. Ф. 4. Оп. 1.
8. **Статьи неофициальной части «Терских ведомостей».** Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1869.
9. **Цаликов А.** Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М.: Мухтаров, 1913. 184 с.
10. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 7.

TRANSFORMATION OF THE OSSETIANS' TRADITIONAL DAILY LIFE IN PROCESS OF RUSSIAN-OSSETIAN CULTURAL INTERACTION (THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)

Kamila Ruslanovna Dzalaeva, Ph. D. in History
Department of Ethnology
North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government
of the Republic of North Ossetia - Alaniya
abisaltik@mail.ru

The author discusses the problem of traditional Ossetian society transformation in the course of the intercultural interaction between Ossetia and Russia in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century, reveals the cause-effect relation of the modernization transformations of traditional daily life, and pays particular attention to such its structures as dwelling and clothes, which palliative nature becomes the most vivid illustration of significant transformations in the Ossetians' traditional culture under the influence of the Russian culture.

Key words and phrases: traditional daily life; intercultural interaction; modernization; urban culture; traditional dwelling; traditional clothes; palliative cultural forms.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема трансформации традиционной социальной культуры осетинских крестьян в условиях пореформенной модернизации Северной Осетии. Объектом исследования является категория «временнопроживающих» крестьян, сформировавшаяся в результате отмены крепостного права и внутренних миграций. Задача статьи заключается в выявлении инновационных явлений в традиционных поведенческих практиках и повседневной жизни крестьян-переселенцев. На основе анализа посемейных списков «временнопроживающих» крестьян за 1905-1906 гг. и других источников впервые выявлены изменения в традиционной организации хозяйства, правилах поселения, формах семьи, нормах обычного права.

Ключевые слова и фразы: переселенческие группы; миграционные процессы; «временнопроживающие»; родственные объединения; простая семья; усложненная семья; патронимия; отходничество; традиции; инновации.

Андрей Анатольевич Дзодзиев
Отдел истории
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказский научный центр Российской академии наук
tedeeva.nina@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОСЕТИНСКИХ КРЕСТЬЯН: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ©

В Осетии динамика общественного развития пореформенного времени привела к глубокой трансформации экономики и социальной культуры. Традиционные структуры вступали в противоречие с новыми историческими условиями жизни социума. Разложение натурального хозяйства, освобождение зависимых сословий, развитие буржуазных экономических отношений, появление аренды и наемного труда в сельском хозяйстве привели к формированию новой стратификации общества и необходимости решать сложнейшую задачу перехода к новым формам труда и производства.

Первыми в стихию переходного времени оказались вовлечены переселенческие группы крестьян, часть которых известна в пореформенной истории Северной Осетии как «временнопроживающие». Они формировались после проведения крестьянской реформы, в ходе внутренних миграций населения из горных районов на равнину. Крестьяне по отбытии срока своих обязанностей по отношению к бывшим владельцам, приписывались к селам, где проживали временно, без земельного надела. Их число пополнялось и за счет выходцев из горной местности, которые покидали горы из-за нехватки пахотных земель. Численность «временнопроживающих» колебалась в разные годы от 10 до 14 тысяч человек. Эта довольно многочисленная категория безземельного населения арендовала в разных селах угодья для занятия сельским хозяйством.

До второй половины XIX в. жители равнинных селений безотказно принимали в свои общества горцев-переселенцев. Но с течением времени многие из них стали сами ощущать острое безземелье в связи с ограничением их деревень определенными границами и захватами земли частными владельцами. В этих условиях

© Дзодзиев А. А., 2012